

ЮБИЛЕЙ

Последний патриарх

Обицкая габ. - 1957 - 23 - 29 янв. - с. 18

23 января Борису Покровскому исполнилось 85 лет.

А несколькими днями раньше стукнуло 25 его детищу — Камерному музыкальному театру. Подарком самим себе к двойному юбилею стала «Веселая вдова» — премьера оперетты Легара состоялась в подвале на «Соколе» 22 января.

Есть люди, любой разговор о которых подразумевает груз пиетета, — столь велик список заслуг, свершений и регалий. Имя Бориса Покровского приходит в голову первым, когда речь заходит о советской оперной режиссуре. Годы художественного руководства Большим театром, изгнание из него и возвращение, работа едва ли не со всеми нашими великими дирижерами и вокалистами. Камерный театр, профессорство и несколько написанных книг — словом, последний патриарх.

В театре, который он создал, его называют Дед.

Этот Дед — этаким старик-лесовик с косматыми бровями, персонаж скульптора Коненкова. Деспот, свирепый в гневе, но отходчивый. Выскакивающий на репетиции на сцену танцевать. Грозный клокой артистам как нерадивым, но любимым внукам: «А ну-ка, соберитесь, пока я вас чем-нибудь не огрел!» С живым, беспокойным, любопытным взглядом из-под очков.

У Покровского с понятием времени свои отношения. Камерный театр он создал в год своего шестидесятилетия — и столь важный шаг, совершенный в почтенные лета, дал его творчеству новый разгон. Вот так и бывает: можно в сорок лет устать и впасть в маразм. А можно поменять жизнь на пороге общепринятой «старости» — глядишь, старость к тебе и не постучится.

Покровский с удовольствием вслушивается в музыку молодой жизни, иногда ругая что-то для порядка, но, в общем, беззлобно: он не потерял вкуса к происходящему в мире. Молодость импонирует, ему нравится играть в ее игры. И тогда он густо насыщает современным сленгом дивертисмент Антонио Сальери и одевает героев в джинсы («Сначала музыка, потом слово»). Или иронизирует над нынешним прочтением отечественной истории («Струфиан» И. Егикова). Но настоящие поветрия конца века как будто не задевают его. Декадентские увлечения 90-х годов проходят мимо — или же он сам избегает их, последовательно оставляя режиссером здравого смысла и житейской простоты. Сейчас, в последних спектаклях Камерного театра, его режиссерская манера выглядит все же анахронизмом: и «Плоды просвещения», и «Дворянское гнездо» отличает чрезмерность бытоподобия и психологическая подробность актерской игры, построенная, в основном, на штампах драматического театра. Уход в метафизику не в его природе. Но любопытство и художественное чутье берут свое — и тогда он трижды ставит «Жизнь с идиотом» Альфреда Шнитке.

Покровский азартен и энергичен. Репертуарная политика его театра отличается полной непредсказуемостью. Собственно, Камерный существует по принципу неожиданности. Здесь ставят то, что нигде не увидишь, более того — то, что поставить никому другому и в голову не придет. Ну кто еще будет извлекать из забвения «Севильского цирюльника» Паизиелло вместо популярного опуса Россини? Кто возьмется за современные оперы? Иногда, конечно, выходит эксперимент ради эксперимента: музыкальный материал на шедевр не тянет, но тем ярче работает фантазия постановщика. Здесь всегда стремятся встать с ног на голову и очень гордятся этим.

Артисты Камерного — особый народ. До сих пор в статьях о театре неизменно упоминают их умение петь, не видя дирижера, сидя, лежа, танцуя или выделывая акробатические трюки. Все, конечно, так — но основная их черта не в этом. А в том, что они вечно существуют между двумя искусствами — драмой и оперой, не принадлежа до конца ни одному из них. Так уж сложилось: они всегда находились чутью на

стороне, на отшибе, сами по себе. Были легендарной для посвященных, придворным театром интеллигенции, что любила селиться в этом районе — «Аэропорт», «Динамо», «Сокол». Ездили на гастроли за границу еще тогда, когда других не особенно и выпускали. И создали какой-то свой особый стиль игры, который узнается безошибочно.

Здесь принципиально не выращивали солистов. Точнее, солистами были все. А звездное имя только одно: Борис Покровский. И идея ансамбля считалась непреложной. Массовки в театре ставились особенно виртуозно, и потому, может быть, три лучших спектакля за эти 25 лет, три без всяких скидок шедевра Камерного: «Нос» Шостаковича, «Ростовское действо» Дмитрия Ростовского и «Похождения повесы» Стравинского. Случались здесь и примеры глубокой актерской игры — и тогда это странное звание «артист Камерного» становилось воплощением мечты о синтетическом актере, которого так ждал театр XX века.

Александра МАШУКОВА